

- Кажется, ушли, - Емеля негромко выдохнул, бухаясь в траву и тяжело дыша: - Ух, никогда столько не бегал.

- Да я тоже, - тяжело произношу, борясь с собой, чтобы завалиться рядом.

- Знаешь, а ведь мы точно уже сдали экзамен на краповые береты.

- Краповых?

- Ага, и пробежали больше, чем полагается, и подраться успели, причем не единожды.

- А ну да, точно, хы, а ведь и правда, надо будет потом похвастаться перед..., - я напрягся, пытаюсь вспомнить имена, но ничего не выходило, лишь головная боль, ликующе, обосновалась, принявшись стучать по черепу изнутри.

- Ух, ну хоть из Подмосковья выбрались, и то хорошо, теперь осталось самое малое, вроде как, я верно говорю, отче?

- Верно, - рядом кивнул старец, слегка опершись на свой посох: - Тут рукой уже подать, но отдыхать некогда, вороги рыщут по земле.

- Да пускай рыщут, найти нас не так уж и просто.

- Не просто, да можно, а раз можно, то найдут.

- Хорошо, Емеля, ну как? Готов к новому марш-броску?

- А куда нам деваться с подводной лодки? - Емельян улыбнулся, поднимаясь с земли: - Эх! Ноги мои ноги, несите меня, куда глаза глядят!

Раскаты грома остались позади, молнии сверкали на горизонте, и ночь над нами была ясной, чистое небо мерцало мириадами звезд, среди которых за нами наблюдала малая Луна, имеющая светло-голубоватый цвет. Освещаемая в ночном сумраке округа утратила цвета наступающей осени, окрасив все в темно-серые тона. Где-то среди ветвей окрестного полесья ухали совы, в небе летали летучие мыши, охотящиеся за ночными бабочками. Мир спал, но меня не покидало чувство присутствия кого-то, следящего за нами. Хотя, кажется, я повторяюсь, ведь что еще может ощущать человек, идущий по незнакомым местам в глухую ночь? Фантазия сама себя накручивает, ночные звуки и тени подстегивают воображение, и уже сам не замечаешь, как шаг увеличивается, ходьба ускоряется.

Земли не выглядели не возделываемыми, точнее, казалось, что их же оставили совсем недавно. Та же трава под ногами была чуть ниже колена, кое-где темнели силуэты стогов, встречались

следы скота, но не свежие, даже лепешки успели подсохнуть.

Первая деревня, возле которой мы оказались, не выглядела живой: собаки не лаяли, огоньки в окнах не мелькали, коровы в сараях не мычали. Заходить и искать деревенских мы не стали, ибо не было смысла, да и путь лежал в стороне. А пока ночь, нужно двигаться, ибо в ночи кого-то идущего сыскать гораздо сложнее, нежели днем, когда все поле как на ладони, а с холма или горы видишь еще дальше.

Окрестности показались знакомыми, казалось, что те же холмы и взгорки я уже некогда видел, хотя вспомнить не мог. Мне многое кажется знакомым, так что, со временем перестал думать об этом, прекратив обращать внимание.

Очередная деревня, достигнутая под утро, также оказалась брошенной, даже более запущенной, чем прежняя. Скорее всего, такое впечатление потому, что стало светлее, и разглядеть что-то стало проще, но и ночью я видел достаточно нормально, но все же, очертания были несколько смазанными, как будто бы пытаешься читать плакаты на отдалении вечером, когда зрение смазывается. В этот раз мы вошли в деревню, так что все запустение смогли увидеть воочию.

Дома брошены или покинуты, не знаю, как вернее описать избы с распахнутыми дверями и разбитыми окнами. Раскрытые ворота поскрипывали, когда их толкал легкий утренний ветерок, сарай чернели внутренней пустотой. Вспомнил, как еще в юности заезжал так в соседские деревни, когда ездил за грибами, и видел такое же запустение. Тут же навалились давно позабытое гнетущее чувство безнадежности и тоска, тяжелая, томящая, бесконечная. Сразу вспомнилась бабушка с дедушкой, проведенное время в деревне, детство, сенокос, рыбалка. А ведь тогда я был счастлив, тогда все казалось вечным, и мухобойка из палки и куска автомобильной шины были грозным оружием в борьбе с жужжалками.

- Грустно, - выдохнул Емельян: - Не думал, что еще такое когда-нибудь увижу.

- Тебе сколько лет?

- Шестьдесят два.

- Ох и не...!

- А ты сколько думал? - Емеля улыбнулся.

- Хм, лет сорок максимум, - я прислушался к самому себе, вспоминая образы, возникавшие при рассказе Емели о своей жизни: - Нет, не думал, не задумывался.

- И верно, не надо думать о годах, тогда и старость не придет.

- Хорошо сказано.

- Да уж, но от этого не легче, вон какое запустение вокруг. Куда все делись?

- Не знаю.

- Ушли отсюда все, - отозвался старец, продолжая идти впереди нас: - Бросили деревню и ушли.

- А почему бросили?

- Места плохие вокруг, вот и ушли, дабы беду на себя не накликают.

- Какую беду?

- А какая бывает? Беда она одна, хорошей беды не бывает. А с клыками, али с железом придет, не суть сего, да и беда не приходит одна, знают все сие. Идем скорее от селя, не стоит быть в таком месте, да и рассвет скоро, а у ворога глаз предостаточно, чтобы на открытом месте нас заприметить.

- Идем.

Выходили из деревни быстрым шагом, как будто бы и не шли всю ночь, да не бежали целый день. Лучи солнца осветили окрестности, скрытые в низинах пологим туманом, дарующим минуты, которыми требовалось воспользоваться для сокрытия в лесу, начинающемуся за пологим лугом, куда, вероятнее всего, в такое время и выходило деревенское стадо, да мужики принимались по росе косить траву.

- Ну вот, - произнес старец, когда мы вышли в чащобу: - Теперь можно и помедленнее, а как уйдем подальше, можно будет передохнуть.

- Ка-ар-ррр, - раздалось среди ветвей.

- Ух! Окаянный! Все не отстанешь! - Емеля сплюнул, взглянув на присевшего на ветвь приметного ворона: - Все следишь да следишь, заняться более нечем?

- Ка-ар-ррр!

- И тебе доброе утро, - старец на наше удивление поклонился ворону, тот, взглянув одним глазом, принялся клювом расправлять свои крылья: - Ну что? Пошли?

Вода закипела, и от нее потянулся аромат свежего отвара, смешавшего в себе ароматы лесных

ягод и чего-то из луговых трав, собранных старцем по дороге, не смотря на ночь. Мы сидели полукругом, наслаждаясь долгожданным отдыхом и доедая мясо, закусывая печеными грибами. В листве пели лесные птицы, в кустарники кто-то шуршал, но Мрак не выказывал внимания, уложив массивную голову на передние лапы и благостно посапывая. Ворон сидел на высокой ветке, с пристальным вниманием наблюдая за нами, как будто бы тот стремился запечатлеть каждое мгновение нашего пребывания на отдыхе под тенью деревьев на небольшой лесной полянке.

Если честно, то хотелось завалиться на траву и заснуть, да так, чтобы проспять несколько дней, но на такую привилегию у нас права не было. Емеля держался из последних сил, хотя и старался не подавать вида, но уже и я мог различить, что ему все хуже и хуже. Друг всячески старался показать себя в здравии, шутил, вызывался сходить за хворостом, но даже его взгляд постепенно мутнел, и все чаще тот принимался что-то несвязно бормотать. Старец все чаще предлагал отвары, и с каждым разом запах становился все серьезнее, как и густота.

- Долго не продержится, - тихо произнес старец, когда Емельян очередной раз пошел за подтопкой, которой и так было предостаточно.

- Что делать?

- Поспешить.

- Тогда идем?

- Погоди, сначала надобно, чтобы он допил весь отвар, тогда и двинемся. Если совсем захворобит, сможешь его унести?

- А у меня есть выбор?

- Есть, но вижу, что ты его давно сделал.

- А зачем тогда спрашивать?

- Ради беседы, - Хранитель улыбнулся, делая слабый глоток отвара: - Пей, чего смотришь?

Десяток толстых сухих хворостин посыпались рядом с костром, и довольный Емеля уселся на свое место, пряча под ноги слегка дрожащие кисти рук. Я не подал вида, продолжая пить отвар и заедать тем, что осталось из провизии, про себя думая, что если еще один день придется идти, то надо будет раздобыть мяса, да и воды припасти.

Странно, но вот сижу и не хочу никуда уходить, дабы не исчезла царящая вокруг идиллия. Спокойно здесь, впрочем, как и в любом лесу, в который, если найдешь время, зайдя, насладишься спокойствием бытия, и уже станет не важно ни время, ни суета, ни что иное. Лес

умиротворяет, лес освобождает, лес оживляет...

- Ну, - старец встал: - Пора.

Вышли из чащобы без приключений, оказавшись на вершине пологого склона, раскинувшегося вдоль предгорья, соседствующего с равниной, уходящей за горизонт, куда тянулась извилистая река, местами пересеченная видимыми сверху бродами. Вдоль реки тянулась столь же извилистая дорога, по которой шли люди.

- По нашу душу? - Емельян тихо спросил, всматриваясь в движущуюся колонну.

- Вряд ли, - отвечаю, делая то же самое.

- Скитальцы, - отозвался старец, щурясь от яркого солнца, взошедшего пару часов назад.

- Скитальцы?

- Да, - Хранитель кивнул: - Гляньте, это не наемники даже, их лица полны надежды и усталости. Они не первый день в пути.

- Откуда же столько? Тут сотня точно.

- Из мира, откуда же еще?

- И куда они идут?

- За надеждой.

- Какой надеждой?

- На новую жизнь, человек всегда надеялся и будет надеяться на лучшую долю, вот и эти люди ищут.

- Так там не только люди, - отозвался Емельян, я вижу и орков, и драконидов, и других.

- Люди, - утвердительно произносит Хранитель: - Я вижу сути, людские сути.

- Так тут вообще кого только нет, как еще не передрались-то? Их же расы враждуют, как я помню.

- Враждуют правители, а простые люди страдают. Нет зла в них друг на друга, и цель едина для всех, вот и идут все вместе, дабы безопаснее было.

- Хм.

- Чего-то придумал? - поинтересовался Емеля.

- А что, если нам попробовать затеряться среди них?

- А это мысль, там нас сложнее будет найти.

- Правильно, благо путь наш сходится, - согласился Хранитель: - Среди Скитальцев сыскать сложнее, нежели среди поля.

Солнце ласково согревало, не припекая, журчащая рядом река не позволяла изнурять от жажды, поэтому, все идущие не выглядели изнеможенными, хотя, для некоторых даже такой солнечный день мог оказаться слишком холодным. Цепочка идущих по дороге вытянулась в узкую вереницу, медленно идущую по колее вдоль извилистой предгорной речушки.

Идущие не походили на беженцев, не тащили на себе пожитки, да и немногочисленные лошади и прочие ездовые существа не были запряжены в телеги, нагруженные скарбом. Больше походило на собравшийся в поход рейд, разве что, среди облаченных в внушительные доспехи и одежды было гораздо больше тех, кто выглядел попроще. Но никто не стремился залезть на ездового питомца, не смотря на такую привилегию, но и звери не шли следом за своими хозяевами налегке: на каждом сидели либо дети, либо старики, не способные выдержать столь изнурительный по длительности путь.

Идущие рядом беседовали друг с другом, делясь самым сокровенным, что у них было - своими воспоминаниями; и никого не смущало, что собеседники и новые знакомые разговаривали на разных языках, при этом легко понимая, что им говорят остальные. Скитальцы, идущие вместе, все же разделялись на небольшие группы, державшиеся обособлено, и были среди таких групп как расовые, так и смешанные. За дни паломничества связь между скитальцами только крепла, деля между собой тепло огня, кусок еды и одну дорогу, люди все больше сплачивались, хотя и держались ближе к тем, в ком видели близких для себя людей. Да и играющая вместе детвора так или иначе сближали взрослых, наблюдавших за их весельем.

Все они шли лишь с одной целью, и хотели бы выбрать тот облик, который бы более был похож на них, но не все было так просто. Вшитые в модули ограничения не позволяли, к примеру, мексиканцам быть кем-то кроме зеленокожих орков или гоблинов, если они не могли заплатить 10000 идеалов за выбор расы. Те же, кто мог заплатить, имели возможность стать всего лишь ящером, человеком с некоторыми ограничениями, псоголовым, хобгоблином или же кем-то из других менее котируемых рас, более намекающих на скрытую расовую дискриминацию, так как всех представителей этих рас нанимали в качестве слуг или прислужников. Лишь детям было разрешено входить в игру в своем облике, но это было лишь до 18 лет, после чего раса бы сбросилась с последующим принуждением выбора.

Вообще, несовершеннолетних не особо пускали в игру, но это лишь для развитых стран, из стран же третьего мира можно было войти в любом возрасте. Поэтому сейчас среди идущих было несколько десятков детей разных возрастов, и со стороны было странно, когда крохотная девочка тянулась к уродливому громадному орку, называя того папой. Правда, для того, чтобы оказаться в игре с детьми, пришлось отдать все те же 10000 идеалов, столько же отдали за то, чтобы переместиться с материка на материк через массовый портал. И многие идущие сейчас оказались ни с чем, точнее, отдали последнее ради одной лишь слабой надежды.

У людей было много причин на то, чтобы броситься подобно китам на берег, и они поставили последнее, чтобы воспользоваться этой возможностью. А все потому, что прямые пути были перекрыты. Арендуемые и покупаемые модули были обновлены, и за каждым пользователем следили, а развязанные локальные войны закрыли прежние торговые пути из-за чего стоимость порталов увеличилась. Да и не дали бы людям мигрировать внутри игры, уже были те, кого буквально выдергивали из модулей, когда те пытались добраться до Североси, ставшей чем-то вроде Ковчега. Но люди нашли способ, точнее, криминальные круги организовали теневые пансионы, занимавшиеся именно нелегальной теперь переброской всех желающих на русский материк, чуть ли не оказавшийся в полнейшей блокаде. Перепрошитые модули предоставлялись ровно на месяц, по истечению которого отдавшего большую сумму либо пускали на донорские органы, либо попросту выкидывали или требовали оплатить еще месяц, если ему не удавалось выдержать сознание в игру. И было всякое.

Все это нам рассказал наш новый знакомый Адриан после того, как мы, выйдя из леса, без противодействия со стороны разномастной массы, принявшей нас за таких же скитальцев, присоединились к идущим по дороге. Адриан оказался общительным и стремился рассказать нам всю свою жизнь, но его переполняли эмоции, и наружу вырывались потоки информации буквально обо всем, поэтому приходилось слушать, соединять куски воедино и подобно пазлу складывать всю картину целиком.

И мы теперь знали, что мексиканцы крайне ненавидят гринго, но все же, не всех, потому как среди них уже давно много мигрантов, но Андриан как-то мог определить среди тех же драконидов, кого нужно ненавидеть, а с кем можно даже выпить. Ну и было странно в облике мускулистого орка видеть доктора-педиатра, по крайней мере, не привычно.

- Эхе, амигос, вы дымитесь, будто Эль-Попо, - Андриан вскинул зелеными руками, доставая что-то бесформенное: - Вот, оденьте быстрее эти накидки.

- Спасибо.

- Нет проблем, для хороших новых друзей мне не жалко, а я вижу, что вы очень хорошие друзья, хоть и страшные, но мне ли об этом говорить? - Андриан оскалился, оголяя орчьи клыки: - Вот, теперь вы больше похожи на Эль Диаблос, ха-ха-ха!

- Ага, они самые, - я улыбнулся.

Вечер пришел почти сразу, стремительно вытиснув ясный день, и чистое небо заволочло

тучами, изгоняя небесный свет из окружающего мира. Колонна остановилась, разбив лагерь посреди обширной поляны, соседствующей с чащобами с трех сторон. Десяток костров озарил округу, прогоняя надвигающийся сумрак. Люди принялись готовить ужин, детвора грелась возле очагов, радостно обсуждая произошедшее за день.

- Андриан, - обратился я, взглянув на недавнего знакомца, занимающегося приготовлением какого-то блюда для своих чад, сидящих рядом с отцом: - А как вы оказались здесь?

- Так я же говорил, сеньор, - Андриан отвлекся, взглянув обвиняющим взглядом: - За детей стало горестно, ведь как они без меня, а я не проживу и года, так сказал знакомый врач. В нашем районе очень часто болеют раком легких, видимо, это из-за завода по соседству, вот и я заболел. Пенсии нет, сбережений нет, работы тоже не стало, вот я и продал последнее, и оплатил себе и детям билет сюда.

- Извините меня, просто я не пойму причину, понимаю, если пытаться попасть куда-то, где жить станет легче...

- А это, сеньор, самый легкий способ найти лучшее будущее для своих детей, - оборвал меня Андриан: - Раньше была американская мечта, мой дед был ей поглощен, мой отец стремился, но погиб при попытке перейти границу. А сейчас нет ее, совсем, и уже не кажется, что у гринго жить проще, нет, напротив, там заметно хуже. Вот и приходится искать иные пути, а их мало, даже страшнее, нет их совсем. Работы нет никакой, семью кормить надо, федералис не стремятся помочь народу, вот и остается только идти к криминалис, а у них одна дорога. Спасибо хоть за то, что мой кузен не из последних среди них, он и помог попасть сюда со скидкой, да и присматривает там за нами.

- А тогда зачем вы идете так далеко? Ближе места не было?

- Сеньоре, - Андриан посмотрел на меня со взглядом соболезнующего умалишенному пациенту специализированного диспансера: - А не из пустыни ли вы вышли? Не самка ли койота вырастила вас и отпустила к людям?

- Не понял! - в голосе Емели прозвучало непонимание, перемешанное с интонацией «а в морду?».

- Ло сиенто, я не хотел вас обидеть! Но я не знал, что не все в курсе самого главного в мире события.

- Какого события?

- Вы действительно не знаете?! Вы не слышали о том, что можно обрести в иную жизнь, лишенную тех проблем, что остались в реальном мире?

- Расскажи нам.

- Ох! Святая Мария! Никогда не думал, что встречу людей, не знающих о истинном чуде! Так вот...

Андриан рассказывал, а мы с Емелей сидели и слушали, стараясь ничего не упустить и при этом глядя ошеломленными глазами, особенно, когда наш собеседник упоминал имя чуть ли не святого по его словам. И произносил Андриан имя с каким-то благоговением, а сидевшие рядом с нами зачастую складывали ладони и крестились, пришептывая про себя какие-то молитвы.

На мой вопрос о том, почему все его считают святым, Андриан недоуменно взглянул на меня, после чего со снисхождением ответил, мол, этот человек сделал невозможное, даровав людям надежду на новую жизнь, лишённую болезней и старости, а посему его следует считать святым, ибо только святой способен сотворить истинное чудо. И при этом, он не затребовал платы за сотворенное, напротив, сделал доступным для всех страждущих, и лишь боги избирают, кому даровать второй шанс, а кому отказать.

- Вот и скажите, сеньоре, кто же как не святой, такой человек? Да и спасший свой народ, пожертвовав собой в трудный час, как не может быть святым? Нет, - Андриан мотнул головой, складывая свои ладони: - Дева Мария, храни память о святом Огнеславе, мученике и спасителе обездоленных!

- Дева Мария. Храни! - раздалось дружно вокруг нас.

- Огнеслав, - я тихо произнес, взглянув на Емелю, слегка улыбающегося и внимательно глядящего на меня: - Ты знал?

- Может быть, - спокойно ответил Емеля: - Чувствую, что они говорят правду, но что-то вспомнить не получается, хотя, все сказанное кажется знакомым.

- Отче, а вы что скажете?

- Суть сия есть суть всего, - Хранитель, улыбнулся: - Все изреченное, есть суть правды и суть мира. Мир родился и принимает сути тех, кто жаждал в нем остаться, наполняя себя жизнью. Тот мир переполнен, там множества темного, а здесь пока места много свободного, и сюда тянутся сути не только людские, но и нелюдские, а за людьми следуют боги, которым те молятся, и места будет всем предостаточно, ведь миров множества...

- Так как произошло описанное? Почему мир обрел плоть, и стало возможным переселение?

- Зерно Мироздания, - ответил старец: - В каждом рожденном мире есть Зерно Мироздания, и если сыскать его, то откроются многие знания, которые станет возможным использовать, но

деяния черпающих будут неосознанно ведомыми. Вот и в том мире нашли такое зерно, решив воспользоваться в свою угоду, но оно решило иначе, дав шанс людям, утратившим надежду и угнетаемым властвующими над ними.

- Что-то я не пойму, то есть игру создали с помощью этого самого зерна?

- Не совсем, те думали, что создают игру, используя зерно, а на самом деле зерно сотворило их руками новый мир. Воплощая в нем все то, что предлагали разумы людей.

- А другие миры?

- Другие? - Хранитель переспросил.

- Другие не оживут, этот мир Мироздание приняло, остальные отторгнуло, оставив их в зародышах миров.

- От чего?

- Ибо нет там сути мира, лишь суть войны, нет жизни, лишь смерть.

- И что будет с прежним миром?

- Ничего, будет дальше, как и все, пока есть время.

- А люди? Дальше смогут переходить сюда?

- Люди? До поры, покуда...

- Аларме!!! - раздалось над лагерем, принуждая людей встrepенуться: - Аларме!!!

Десятки темных силуэтов, скрываясь в сумраке наступившей ночи, медленно приближались от окраины к освещенному кострами лагерю, покачиваясь, спотыкаясь и хромая. Слабые огоньки на телах темных силуэтов выдали их, и поэтому лагерь зашумел, гомоня десятками разномастных языков и наречий. Но несмотря на это, силуэты не ускорились и не отступили обратно в сумрак, продолжая безмолвно шагать целенаправленно к лагерю.

- Кто это?

- Не знаю, - отозвался Емеля: - Не разобрать, но они странные.

- Нежить?

- Возможно, только какая-то не такая. Вон видишь, мерцают огоньки на каждом, как будто бы свечи держат.

- Ага.

- Думаю, не спроста. Андриан, заставь людей успокоиться, нельзя паниковать сейчас. Всех способных дать отпор собери как можно быстрее. Будем защищаться.

- Хорошо, сеньоре, сейчас все сделаем! - Андриан кивнул, разворачиваясь и принявшись голосить так, что любой крик тут же стихал.

Народ постепенно переставал паниковать, отдельные люди выходили вперед, протискиваясь через толпу, остальные собирались вместе, будто бы это увеличивало шансы на спасение. Но я их понимал, точнее, думал, что понимал, хотя сам же от чего-то еле сдерживался, будто бы ощущая что-то.

- Думаешь, выстоим?

- А у нас есть выбор? Сбежать все равно не сумеем, да и бросать людей с детьми, сам понимаешь.

- Понимаю, - Емеля кивнул: - Ты главное не бросайся в толпу, небось, сдержим их, а рисковать не стоит.

- Риск - благородное дело.

- Риск укорачивает жизнь.

- Ага, в курсе, рассказали.

Приближаясь во мраке ночи, силуэты, увеличивались, приобретая четкие очертания. Мерцание огоньков усиливалось, и уже можно было различить: от чего исходит свет, и несут ли незваные гости свечи. Черные в ночи фигуры освещались источаемым из тел светом, будто бы горящем изнутри. Глазницы и рты словно исторгали пламя, нечто подобное плащам пропускало всполохи пламени сквозь прожженные дыры.

- Четыре десятка, - произнес Емеля, продолжая старательно вглядываться в сумрак ночи: - Не обходят, идут все разом в лоб.

- Андриан, что с людьми?

- Все здесь, сеньоре, - отозвался мексиканский орк, машинально стукнув о костяной щит иззубренной секирой: - Среди нас лишь два десятка выше сотого уровня, еще два десятка выше пятидесятого, остальные только недавно вошли, сами же понимаете, почему.

- Понимаю, - согласно киваю: - Опытные лекари имеются?

- Да, сеньоре, двое.

- Тяжко им придется, ладно, делать нечего, бери всех боевых и за нами на взгорок перед низиной. Так будет проще защищаться, а остальные пусть не отходят от костров.

- Да куда они отойдут? Все тут и будут.

- И это, на всякий случай, всех ниже пятидесятого оставь в лагере, если что, может, задержат, пока мы подоспеем.

- А что может случиться, сеньоре?

- Все, что угодно, но лучше, чтобы не случилось.

- Люди будут молить об этом, обязательно будут.

- Хорошо, уж лучше пусть молятся, чем орут на всю округу в рыданиях, - буркнул я себе под нос, двинувшись к взгорку и доставая два своих двуручника.

- Сеньоре! - донеслось позади: - Так вы что сможете с двумя?

- А у меня есть выбор? - говорю себе тихо и тут же отвечаю уже громче: - Справлюсь! Только всех предупреди, чтобы были подальше от меня, а то ненароком нашинкую!

- Прямо надежду в них вселил, - Емеля, идущий справа от меня, ехидно улыбнулся: - Прямо воспаряли духом, так и чую.

- Нет у меня желания на громкие речи.

- Да и не нужно их, сами же вроде понимают, да и так все верят.

- Во что?

- А боги их знают. Но я видел, что те смотрели на нас как-то иначе, нежели при встрече. Будто бы с благодарностью.

- За что?

- За то, наверное, что не бросили их, а встали на защиту. Люди же всегда больше верят тем, кто за них стоит, а не тем, кто с ними идет. Вот и сейчас, взглянешь назад и увидишь, что за тобой люди пошли, хотя знают тебя несколько часов. А если скажешь им, что ты...

- Давай без этого, я и сам не уверен, а ты меня уже в святые ставишь, не надо мне тут сотни молящихся на меня...

- А они никому не нужны, - отозвался старец, вдруг появившийся рядом со мной, выйдя из-за массивного тела Мрака: - Богам треба не молиться, но славить их. А те, кто молит, тот будто бы в пустом колодце воду ищет. Вера и слава творят чудо, сила и правда творят святость. Ведай сие и поведай другим, и славь то, что от сути своей есть правда святая.

- А что же вы тогда, отче, скажете про то, что говорят обо мне, как о святом?

- А что тут говорить? Деяния чисты, путь в правде, добро всем, как не считать святым сию добродетель? Так дитя своих родителей считает святыми, коль они о нем заботятся, а родители детей своих считают святыми, покуда те слушаются их. Так от чего же не считать и тебя святым тем, кто благодарит за деяния и идет за тобой? Аль ты от этого станешь выше их? Нет, но вот примером для деяний во благо всем станешь, и сие есть суть учения детей наших на поступках наших. И будут дети твои говорить, что жил ты в правде, и они будут жить в правде и помнить об этом, и не забудут поведать о тебе потомкам твоим.

- Хм, отче, правы вы, особенно про родителей, - я еле сдержался, когда всесокрушающая волна воспоминаний обрушилась, принося с собой почти что забытое лицо моей матери, ее голос, ее руки...

- Ну, тогда за дело святое, да во славу правды! - вдруг проревел Емеля, выставляя щит и меч вперед, готовясь встретить незаметно для меня оказавшихся уже вблизи гостей: - Стоим стеной! Никто не выходит вперед! Никто не лезет и не бросает! Слушать меня, лекари за спины, лечите по откату! Танки вперед, стрелки к лекарям, бить по готовности! Маги, веселитесь так, чтобы нас не завеселить!

Дружный рев раздался над нашим войском, к Емеле тут же подошли с двух сторон четверо драконидов, уступивших в росте, но не ширине. Кажется, двое из них были женщинами, хотя, я не успел различить, прикинув, что те уступали остальным в комплекции, хотя держали такие же щиты и изогнутые глефы с короткими древками для удобства. Рядом встали широкоплечие орки, злобно скаля свои клыки, за ними мелькали несколько гоблинов стрелков и шаманов с лекарями.

- Держим строй! Бьем разом! - очередной раз крикнул Емеля, после обратившись ко мне со скалящейся улыбкой: - Гуляй, княже, а мы тут постоим, подержим их.

Будто бы взвели рубильник внутри меня, пуская по телу разряды тока, активирующего все внутренние резервы. Ночной сумрак в миг отступил, серость поглотила окружающий мир, стоявшие рядом защитники и идущие враги окрасились алыми цветами. Нет, не окрасились, они попросту источали собственную жизненную силу, вращающуюся внутри сосудов, называемых телами. Мириады витиеватых всполохов двигались от центра груди по телу, рукам и ногам к кончикам пальцев, разворачивались и стремились обратно к центру. И цвета каждый ауры были своеобразные, неповторимые, как и сила их сияний, и выделялась в этом многообразии золотистая аура старца, стоявшего рядом с двумя врачами и что-то им объясняющего.

Обращаю внимание на ауру Емели, та сияет, источая белесый свет, но толстые черные нити, стягиваясь воедино подобно кокону, стремятся поглотить этот свет, заключив его внутри себя. Перевожу взгляд на себя и вижу примерно то же самое, лишь только нити истонченные, и не в силах стянуться, точнее..., черные нити пересекаются с белыми, сплетаясь в витиеватые узоры, безостановочно изменяющиеся в едином сосуществовании.

Взгляд в сторону на приближающиеся шаги, и передо мной возникает серый силуэт, перетянутый мириадами черных нитей, сплетенных в плотные бинты, окутывающие блекло тлеющую ауру. Чернота источника мрака срывается с плоти бинтов и, превращаясь в дым и удаляясь, вспыхивает от соприкосновения с чуждым для нее сиянием мира. Обращенный взгляд пронизывающего мрака изучает, решая для себя что-то, я ощущаю первородную ненависть к противоположному и неутолимый голод. Мгновение, и, сжавшись перед броском, пучок мрака вдруг рванул навстречу, будто бы хлыст плети, за ним тут же рванули и другие, противник шагнул вперед, заноса старое оскверненное железо, и за ним приближались остальные.

- Не выскакиваем! - раздался голос Емели: - Бьем вместе, чтобы не окружили! Да не смотрите на него, он сам справится! Мрак! Защищай старца!!!

Уход в сторону с резким разворотом, переходящем в кручение карусели, два двуручных меча засвистели свою песню, набирая скорость. Жгуты яростно хлестали по воздуху, пытаются вцепиться, но оказывались не там, где я уже был, а карусель все ускорялась и ускорялась, увеличивая инерцию полета смертоносной стали. Круговой росчерк приблизился к атакующему, и лезвие с легкостью рассекло по длине выставленную руку, из которой тут же вырвались всполохи запечатанной в жгуты ауры, рассеивающейся по миру подобно истаивающему дымку пара в холод.

Второй росчерк рассек предплечье, разрезая жгуты и ткани, и еще сильнее аура вырвалась из раны, стремясь покинуть мертвое тело. А мечи уже летели по второму кругу, лезвия готовились вновь рассечь незащищенную плоть, довершая начатое дело, как вдруг что-то ударило в спину, застревая и вызывая вспышку боли, но я не остановился, лишь удар пошел в сторону, позволяя противнику избежать его. Тут же две вспышки боли в груди, из которой торчат не стрелы, но нечто, похожее на многоножек, принявшихся вгрызаться в плоть, вцепившись своими многочисленными лапками сквозь кожу прямо в мышцы и исторгая через

них яд.

Я взревел, переполняясь яростью, пальцы до боли сжали рукояти мечей, жилы набухли, проталкивая вскипевшую кровь, мысли в миг смело стеной пламени, вырвавшегося наружу и принявшегося обнимать все тело, переходя с рук на полутораметровые лезвия, тут же накалившиеся до белизны. Многоножки заверещали, но не успели отцепиться, став первой пищей для изголодавшего пламени. А я шагнул вперед, разнося мечи в стороны и готовясь к танцу пылающей смерти, движения которой шли из моего подсознания, а музыка ликующего полымя задавала такт.

- Иду на Вы, - произношу, разгоняя круговой взмах.

Ночь внезапно осветилась черно-алым пламенем, десятки теней замелькали по округе, танцую будто бы колдуны на шабаше, людская масса разом охнула, когда обвевшийся пламенем двухметровый монстр закружился, врезаясь в наступающую армию. Разномастные голоса перемешали в себе молитвенные и радостные вскрики, заглушающие звон металла и раскаты магических взрывов.

Позади плотно стоявших защитников подтанцовывал шаман, полностью повторяя священный танец своих предков, некогда живших на необъятных просторах свободной земли, покуда не пришли белые люди и не обманули их вождей. И в своем танце потомственный шаман вложил всю силу и скорбь народа, почти исчезнувшего в прежнем мире, обреченном сгнивать в резервациях.

Рядом с ним другой призывал духов, обитающих вокруг, прибегая к ритуальной магии, столь же древней, как и люди, чья кожа с веками потемнела из-за безжалостного климата Африки, и чьим детям было суждено оказаться по другую сторону океана, где за счет их жизней росло благополучие белых хозяев.

И их прикрывали широкие спины зеленокожих, также знавших цену себе, обещаемую теми же белокожими господами, что безудержно сулили светлое будущее их предкам, пытаюсь присоединить еще один штат к своей державе. Но не вышло, хотя и было суждено жить в нужде целому народу, работая на тех же белокожих за гроши, но все же, они остались независимыми.

Именно об этом сейчас думали эти люди, сражаясь с новым врагом и вспоминая своих предков, думая о своих детях. И именно сейчас эти люди плачивались, как никогда, и останется лишь распить вместе общую бутылку текилы, если Андриан и его соотечественники смогут сделать ее в этом мире. Или же что иное будет распито, но именно сейчас они обретали свое братство, и даже стоявшие рядом дракониды становились родными, своими. И именно они сейчас встречали страшного врага, подступившего смертельно близко, изрыгаемым ими пламенем, подобно драконам. И именно сейчас эти люди видели то, о чем слышали неоднократно и уже начали думать, что все описываемое лишь сказка, красивая легенда. Но, оказывается, они верили не зря.

Междуглавие

Вследствие сильнейшего теракта, проведенного неорадикальной террористической группой «Антивирт», был уничтожен крупнейший датацентр, на базе которого имелась крупнейшая площадка серверов, обеспечивающая стабильную работу большинства игровых проектов полного погружения, в том числе и все три мира Идеала, ставшего самой массовой игрой за всю историю индустрии.

Полиция уже арестовала всех причастных к теракту, благодаря новейшей системе мониторинга «Вотчдефендер», а также автоматизированной системы поддержания правопорядка. Предварительный ущерб составляет 10 миллиардов долларов, эксперты же говорят о сотнях миллиардов убытков.

Но самым необыкновенным в этом является то, что доступ в игровой мир Итрим, хоть и со сбоями, но был, что не может не увеличить количество теорий и слухов, вращающихся вокруг этого игрового мира. Мы же продолжим дальше следить за ходом расследования и вынесением приговора всем обвиняемым...

...Котировки акций корпорации АльтИнтПро очередной раз резко просели, после чего вновь подскочили до уровня выше ранее предельно достигнутого. С чем это связано, не берутся утверждать даже самые промозглые финансовые аналитики, так как в данном случае никакие законы финансового рынка не действуют...

...Предпринятые меры по сокращению количества гибнущих в Итриме пользователей не увенчались успехом, более того, введенные запреты развязали руки криминальным группировкам, подстегнув черный рынок виртуального доступа. Но даже возрастающее количество смертей не отпугивает других пользователей, ажиотаж напротив растет с геометрической прогрессии, и даже взвинченные цены на черном рынке не снижают спрос. В виду сложившейся ситуации многие государственные деятели выступают за ужесточение соответствующих законов и уголовного кодекса...

...Разборкой криминальных группировок назвали следственные органы недавнюю перестрелку, произошедшую неподалеку от одного из частных поселков в пригороде нашего города. Как заявляет пресс служба МВД по городу, в ходе разборок были ранены несколько отставных военных, оказавших яростное сопротивление из нарезного оружия установленного образца, на которое имелось разрешение, ранения разной степени тяжести. Личности напавших не установлены...

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1268860>